

Не сумев поживиться, Чжао Тяньэр поспешила уйти, взяв под руку Ли Даю, и по дороге говорила:

— Вот я растяпа, как же я забыла, что у Ночки характер изменился? Только что она на меня посмотрела — у меня сердце чуть не выпрыгнуло!

С этими словами она даже похлопала себя по груди.

Ли Дая с некоторым сочувствием кивнула, вспомнив прежние поступки Ся Е, и у неё тоже сердце ёкнуло. Поэтому она и не подошла говорить, боялась, как бы та ногой не двинула, — она бы не выдержала!

Всю дорогу до ярмарки повозка покачивалась. Поскольку матушка Ся с остальными была не слишком близка, они почти не разговаривали. На месте все разошлись по двое-трое. Ся Е с матушкой Ся помогли Ли Дашань и его жене прилавок разложить, а потом ушли погулять по ярмарке, посмотреть, нет ли чего полезного купить.

Из-за толпящегося народа пришлось медленно пробираться, осматривая каждый прилавок. На одних лежали дикие травы, на других просто верёвкой были привязаны фазаны да зайцы, на третьих картошка, батат, кукуруза, овощи, зерно — всё кучами разложено для обозрения проходящими односельчанами. Рыбу и креветки просто в деревянный таз насыпали и перед прилавком поставили. В основном это было то, что крестьяне сами могли добыть, качественного зерна почти не было. Если где-нибудь попадался продавец тофу, тут же толпой собирался народ. Кто-то покупал за деньги, кто-то на зерно менял, способы обмена были разные. Перед такими редкостями, как ютяо — жареные палочки-пончики, собиралась ватага ребятишек. Если ребёнок упирался и не хотел уходить, некоторые родители хватили его за ухо и утаскивали прочь или шлёпали, и дитя, рыдая, шло за ними. Были и такие взрослые, что покупали. Посмотрев на их одежду, где заплаток было относительно мало, понимали — семья побогаче. Сахарные палочки семьи Ли Дашань тоже были редкостью, и, когда Ся Е с матушкой уходили, у прилавка уже стояли ребятишки, посасывая пальцы и разглядывая сладости.

Ся Е с матушкой Ся, следуя за потоком людей, обошли круг, потратились на несколько глиняных горшков — для кухонных приправ, масла и прочего. Обойдя круг, железных котлов не увидели — видно, только в кооперативе покупать. На окраине ярмарки увидели продавцов домотканого полотна и хлопка — как раз то, чего дома не хватало. Купили 30 чи полотна и 20 цзиней хлопка. Полотно стоило пять мао за чи, хлопок — семь мао за цзинь, так что потратили ещё 29 юаней. Матушка Ся туго увязала покупки, Ся Е взвалила высокую ношу на спину. Матушка Ся в уме прикидывала: домашние одеяла, если распороть и переделать, можно сделать в четыре подстилки, можно менять. Ещё три новых одеяла надо сшить: по одному для Ся Е и для себя, одно про запас. Зимние ватные куртки и штаны тоже надо заранее приготовить, да и меховые шапки, рукавицы... На всём этом экономить нельзя. Зимой здесь, если выйти на улицу без шапки, уши отмёрзнут в мгновение ока. Хотя и преувеличено, но реально.

Ся Е, увидев керосиновую лампу, упростила матушку Ся купить и её, правда, старую, за 3 юаня. Наверное, кто-то продал, чтобы выручить денег в трудную минуту. Сейчас дома они

пользовались самодельной лампой: Ся Е взяла пиалу, скрутила хлопковый фитиль и временно использовала как светильник. Абажура не было, дым от керосина немного ел глаза. Каждый раз, глядя, как матушка Ся штопает одежду в клубах серого дыма, Ся Е становилось горько. Сколько же можно так глаза портить? Но электричество в деревни, наверное, ещё лет десять минимум не проведут.

После ухода из старой семьи Ся они вышли практически с пустыми руками, домашней утвари вообще не было, даже топор был одолжен у семьи Ли Дашань. Но частных кузнецов сейчас не было, ножи и прочее тоже надо было в кооперативе покупать. Придётся ждать поездки в уездный город или в посёлок.

Так что ничего не поделаешь, на ярмарке матушка Ся и Ся Е могли купить только то, что крестьяне сами производили. Посмотрели на плетёные корзины, деревянные вёдра! То, чего дома остро не хватало, матушка Ся тоже купила, по одному предмету. Разложили по порядку, глиняные горшки в ведро положили, так Ся Е смогла всё вместе на спину взвалить. Учитывая ещё и грузоподъёмность повозки Ли Дашань, хоть нужного им и было ещё много, больше крупных вещей они не покупали, в основном всё можно было сложить в вёдра и на них.

Матушка Ся купила ютя и прочих сладостей, завернула в пергамент. Положив в ведро, сказала Ся Е:

— Ночка, это дома съешь, хорошо? И немного Ли Лицю с матушкой Лицю отдашь.

Ся Е хотела сказать «я же не обжора», но, подумав, только кивнула — в конце концов, это тело ещё было ребёнком!

На одном прилавке Ся Е увидела самодельные заколки для волос и цветы, купила по три штуки, которые могли пригодиться, для матушки Ся, Ли Лицю и матушки Лицю. До полудня ещё не дошло, а матушка Ся сочла, что куплено уже достаточно, и пошла к сахарному прилавку Ли Дашань посмотреть, как идут дела.

Оказалось, больше половины ещё не продано. Все ведь деревенские, с сахаром и без сахара проживут. Разве только если в семье ребёнок родится или кто заболел, или подарок сделать надо, тогда и купят немного тростникового сахара. Вот и получился застой. В конце концов, деревенские живут расчётливо, не так уж много у них свободных денег.

Ли Дашань, видя такое положение, тоже нахмурился. Хотя по прежней цене он уже себестоимость отбил, но не думал, что будет так плохо продаваться. Ведь вещь-то ценная, да и талон на сахар не нужен!

Ся Е, видя, что Ли Дашань озабочен, подошла к нему и сказала:

— Дядя Дашань, дома ещё есть?

Ли Дашань, взглянув на Ся Е, облегчённо вздохнул:

— Ночка, слушай дядю, ту сахарную свёклу ты больше не сажай. Не продаётся совсем. На ярмарке народу много, да денег на покупку ни у кого нет, не идёт, и в обмен мало что дают.

Ся Е поспешила успокоить:

— Дядя, не волнуйтесь. Через несколько дней разве не в уезд поедем? Отвезём в уезд, на рудник, вместе с мясом продадим — наверняка пойдёт. Здесь, в конце концов, не то что в городе, где рабочие зарплату получают. Тут все экономят, на чём можно. Сегодня сколько сможем продать — столько и продадим, не переживайте! Всё равно не испортится. Я с вами в уезд съезжу, посмотрю!

Ли Дашань подумал — и вправду:

— Ладно, через пару дней в уезд — вместе поедем.

К концу ярмарки было уже около четырёх дня. Ли Дашань свернул прилавок, уложил вещи матушки Ся и Ся Е на повозку, затем вместе с матушкой Лицю, матушкой Ся и Ся Е поспешил к месту сбора. Договорившиеся о возвращении уже в основном собрались там, у всех были какие-то приобретения, на повозке громоздились туго набитые узлы и прочее.

Деревенская сплетница, вдова Лю, спросила:

— Матушка Лицю, вы столько купили? Или это вторая невестка Ся купила?

При этих словах её глаза, словно радар, просканировали груды, но, поскольку всё было свалено вместе, она не могла разобрать, чьё это.

Не дожидаясь ответа матушки Ся, матушка Лицю, взглянув на неё, ответила:

— Я немного хлопка купила. Выглядит много, а на самом деле не очень. Детей много, зимнюю одежду всю заново надо шить!

Поскольку Ли Дашань управлял деревенской повозкой и ещё закупками занимался, в руках у них было посвободнее, все знали, что семья Ли Дашань живёт зажиточнее, и не решались завидовать или язвить — в конце концов, время от времени могло понадобиться к Ли Дашаню за помощью обратиться, повозку попросить.

Вдова Лю, услышав это, тут же подхватила:

— Ой, конечно! У нас тоже несколько лет зимнюю одежду не обновляли. Последние два года урожай получше, если этой осенью побольше распределят, я тоже дочери новую куртку сошью!

Её соседка, жена Ли Цзяньшаня, поспешила похвалить:

— У вдовы Лю дочка видная, в поле работать проворная. На днях я к вам заходила, смотрю — и обувь хорошо шьёт. Уж пятнадцать лет ей, наверное? Пора женихов присматривать!

Вдова Лю, вместе со всеми поднимаясь на повозку, громко говорила:

— Конечно! Моя Цюцзю, кажется, на год младше Сына Ли Дашаня. А Сыну уже присматривают? Братец Дашань?

Услышав, что вдова Лю минуя её, обратилась прямо к её мужу, матушке Лицю стало немного неприятно, но она поспешила ответить:

— Мои родные там присматривают. Как уборку урожая закончим — тогда и поговорим. Ваша дочка статная, сразу видно — как вы раньше говорили — в городские может выйти.

Вдова Лю, услышав, что можно за городского выдать, обрадовалась, но, подумав о своих планах, всё же считала, что лучше всего выдать за Ли Сэня, и поспешила сделать матушке Лицю комплимент:

— Моя дочка только руки золотые, если бы за такого старательного парня, как Сэнь, вышла — было бы лучше всего. Что до замужества за городского, так это больше Ли Лицю подходит. На каникулах разве не говорили, что у тётки в подмастерьях? И среднюю школу окончила, и портняжное искусство в руках, за городского-то и выходить как-то обидно!

<http://bllate.org/book/15491/1373684>